

ОНТОЛОГИЯ ЗНАКА

это не про семиотику, а про фундаментальную ошибку Максима Знака, лучшего юриста страны

Владимир Мацкевич

Онтология, как и метафизика – это что-то очень далёкое от практической политики. Так думают, к сожалению, не только обыватели, но и сами политики. Не знаю, что думал сам Максим Знак об онтологии, но мировоззрение у него есть, и этим мировоззрением он руководствовался в своей политической деятельности, когда был мозговым центром штаба Виктора Бабарико.

Но, что я могу знать о мировоззрении Максима Знака?

Мы с ним познакомились уже в разгар предвыборной кампании. Виктор Бабарико уже был в тюрьме. На виду лидером и вдохновителем всей кампании была Мария Колесникова. А Максим отвечал в штабе Бабарико, а потом и в объединённом штабе, за юридическую часть. И вот он приходит ко мне чтобы уточнить некоторые непонятные ему моменты Дорожной карты. Мы обсуждали вполне конкретные аспекты, а вовсе не онтологию, философию и мировоззрение. Но по тому, как он излагал свой способ действия и сценировал ситуацию, я могу реконструировать его онтологию.

Зачем мне это надо? Зачем это надо мне, и зачем я об этом рассказываю другим?

Я методолог. Мало кто понимает, что это значит. Уже привыкли меня так называть, но мало кто может отличить позицию методолога от каких-то других позиций: учёного, консультанта, тренера и т.п. То, о чём я говорю и пишу, многими прочитывается как политологические тексты, как советы политтехнолога, как комментарии событий «фельетонной эпохи». То есть, всё воспринимается тем, чем кажется, а не тем, чем является.

Методолог работает в онтологии деятельности, или точнее, я представитель школы системно-деятельностной методологии и деятельностного подхода. Это значит, что всё в мире (это то, что дано в мировоззрении) я рассматриваю как деятельность. Даже то, что деятельностью не является, например, природу. Природа существует, как вещь в себе, и вещь для себя, но в моём подходе она дана как материал деятельности. Говоря о той онтологии, в которой я работаю, или, с которой я работаю, я вынужден ограничиваться далеко не полным и исчерпывающим объяснением. Категория деятельности, лежащая в основе деятельностного подхода развивается и дополняется, отталкиваясь от системы деятельности, мы приходим к системе мысле-деятельности. Тут требуется уточнение и дополнение.

Мыследеятельность – это работа с деятельностью. То есть, деятельность над деятельностью. Если деятельность состоит в реализации (воплощении) идей и мысли в некотором материале, то мыследеятельность – это изменение самой мысли, которой направляется деятельность.

Не углубляясь дальше в тонкости подхода, попробую сказать проще.

Разговаривая с Максимом Знаком о том, что и как делать, я работал с его мышлением, то есть с тем, откуда исходит его представление о том, что и как надо делать. Для этого не нужно «лезть в голову» собеседника. Чужая душа потёмки. Меня интересует не душа Максима Знака, меня интересует только тот тип мысли, тот образ мысли, которым определяется образ действия.

Максим Знак один из лучших юристов в Беларуси. И один из умнейших людей страны. Уже и без меня все знают, что Максим стремился всё делать по закону, провести всю предвыборную кампанию в правовых рамках, не нарушив ни одной буквы закона.

Одно дело стараться всё делать по закону, другое дело смочь это сделать. Максим смог. Вся кампания прошла очень чисто, полностью в рамках закона. И вот он сидит по обвинению в попытке захвата власти. Почему, за что? Виновен ли Максим Знак хоть в чём-нибудь? Суда по делу Максима ещё не было, но я и не буду разбирать фальшивое обвинение и то, что может происходить на мероприятии, которое в Беларуси уже много лет называется «судом».

Мне нужно пригласить Максима Знака на философский суд, суд мысли, или суд истины. На таком суде судят не человека, не его поступки и действия в наблюдаемом мире, называемом физическим. Этот суд разбирает действия и поступки в сфере метафизики.

Метафизика – искусственный термин, возникший совершенно случайно. Так назвал один из сборников трудов Аристотеля Андроник Родосский, просто потому, что этот сборник из 14 текстов был следующим после «Физики» (τὰ μετὰ τὰ φυσικά — «то, что после физики»). Тогда как содержание всех этих 14 книг составляют категории, предшествующие физике.

Вот уже почти полтысячи лет, как метафизика вышла из моды, и её место занимает онтология. Одно из определений онтологии гласит: «Онтология оказывается своего рода картиной действительности, определяющей позицию человека в мире, ориентации частных видов деятельности и познания, функции и ограничения отдельных наук.»

Хотя чаще онтологией называют учение о бытии, его основных принципах и категориях.

Но фокус в том, что совокупность знаний о бытии с необходимостью трактуется, как объективное бытие и заменяет собой реальность. Обычно люди (если они не методологи) не строят собственную онтологию, они в ней живут, как в реальности.

Поэтому, говоря об онтологии Максима Знака, могу говорить о его бытии.

Его бытие сейчас ограничено в пространстве и времени. Он ограничен пространством камеры в тюрьме, и время его пребывания тоже ограничено, его закрыли в сентябре прошлого года, и, рано или поздно, он выйдет на свободу.

Мы знаем, кто ограничил Знака в пространстве и времени, но связано ли это хоть как-то с представлением Знака о бытии. Вот это я и собираюсь проанализировать.

Для этого анализа мне потребуется ряд категорий:

Проект;

Идентичность/идентификация/самоопределение;

Отчуждение;

Рефлексия.

Деятельность;

Игра;

Пользовался ли сам Максим Знак этими категориями в своём размышлении, руководствовался ли он ими в принятии собственных решений о том, как поступать и действовать самому, и что делать людям, которые на него ориентировались, я знать не могу. Это ведь онтологические (или метафизические) категории, они объективны, то есть, независимы от того, знает человек о них, или не знает (как законы природы, действуют независимо от того, открыты ли они уже, или ещё нет).

Онтология Знака получается в рефлексии **реального существования** Максима знака в пространстве и времени в 2020 году.

А реальность восстанавливается по протокольным суждениям о фактах (феноменах).

Фактами являются дела, поступки, действия, сказанные слова.

Онтология похожа на метафизику тогда, когда мы игнорируем генезис, происхождение онтологических структур. Метафизика объективирует бытие на основе спекулятивных построений, когда рассуждение строится от общего к частному, от априорного знания о мире к обнаружению этого в конкретных проявлениях. Например, Максим Знак юрист, следовательно - ничто юридическое ему не чуждо. Дальше описывается абстрактный юрист, называемый именем собственным. Онтология же строится иначе. Собираются факты уникального конкретного явления, и интерпретируются в объективирующих категориях аналитики и критики.

Начнём с «проекта»

Максим Знак включился в проект «Предвыборная кампания Виктора Бабарико».

Что это значит, я начал понимать после исследований Татьяны Водолажской по темам инноваций и нового неравенства. Она исследовала современных людей, не вписывающихся в старые таксоны социологии, для которых характерен некий иной образ жизни, нежели тот, который изучен для старых традиционных социальных групп и страт в белорусском обществе. Одно из её наблюдений состояло в том, что часть этих людей идентифицирует себя через проекты, в которых они участвуют.

Старые формы идентичности предполагали, что люди описывают себя через принадлежность к профессии или организации (национальная, гендерная, региональная идентичность сейчас выносятся за скобки). Люди нового образа и уклада жизни говорят о себе: «Я сейчас в проекте».

То есть, говорят о себе не как о сотруднике некой организации, не как о профессионале и специалисте, а об участнике некоего проекта. Содержание этого проекта и составляет идентичность и идентификацию этих людей. Проекты временны (чаще всего, кратковременны), они заканчиваются, и человек переходит в другой проект.

Переходя из проекта в проект человек несёт на себе все другие идентичности (этническое происхождение, профессию, религию, пол, возраст, и некоторые другие, например, для белорусов важна мова, как фактор идентичности). Но проектная идентичность становится рамкой, контекстом, интегрирует в себе всё остальное.

Такое отношение к себе, к своей идентичности и самоопределению яснее всего выразил Эдуард Бабарико, когда объяснял своё включение в проект «Предвыборная кампания Виктора Бабарико».

Он сказал: «Я готов потратить 90 дней своей жизни на этот проект». В этом высказывании важно всё: Готовность, временность, сыновья идентичность, посвящение части жизни. Но, главное – это проект.

Максим Знак тоже включился в этот же проект, идентифицировался с ним. Он привнёс в этот проект иную профессиональную идентичность, нежели Эдуард Бабарико, у него иной жизненный опыт, нежели у Марии Колесниковой. Но все они, как и многие другие участники ПРОЕКТА. Все они в проекте, и идентифицируют себя с ним.

Такая форма идентификации – новое социальное явление. Возможно (даже наверняка) это встречалось и раньше у отдельных людей. Возможно, целая плеяда физиков, химиков, инженеров точно так же самоопределялись в «Манхетенском проекте», или в ГОЭЛРО.

Но Татьяна Водолажская открывает это, как массовое явление, характерное для новых социальных групп, порождающее новые социальные отношения¹.

Что означает такая идентификация?

Во-первых, нельзя путать проекты, о которых говорят люди, что «я/мы в проекте» со старым понятием «проект», применимым к архитектуре, производству, военному делу. Там проекты разрабатываются и имеют авторство. Например, «проект здания архитектора Ле Корбюзье», или проект автомобиля – концепт-кар.

У этих проектов нет авторства, их не разрабатывают, их не проектируют – в них живут, действуют, работают.

Современные архитектурные (а также промышленные и технологические) проекты тоже не имеют индивидуального авторства, в проектировании участвуют и физические лица и юридические, то есть, большие проектные коллективы. Но они ДЕЛАЮТСЯ. Эта деятельность называется проектированием. У этой деятельности есть цель, и есть результат – проект. Проект здесь является целью работы, пока она делается, и результатом, когда работа закончена. Делая такую работу, проектировщики не говорят, что «я/мы в проекте». Они идентифицируются иначе, как специалисты, как члены проектного рабочего коллектива.

«Я в проекте» может сказать человек, который не делает проект, как результат, а участвует в проекте, целью которого является нечто иное. Здесь сам процесс работы (и, оказывается - жизни) называется проектом.

А что же является целью и результатом таких проектов? Этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения. Мой собственный опыт изучения таких проектов (а отчасти и участия в них) показывает, что в них никогда цель не совпадает с результатом.

Проект «Предвыборная кампания Виктора Бабарико» - был. У проекта была некая цель. Но результатом реализации (деятельности и жизни) стало нечто совершенно иное, нежели закладывалось в него. Проект был (и даже сейчас продолжается), но Бабарико не стал, не только президентом, но даже кандидатом. Проект имел множество эффектов, но какие из них закладывались в проект изначально, а какие «так уж получилось», нужно выяснять специально. Я уже отчасти выяснял это и анализировал, но окончательный анализ ещё впереди.

Актуален и другой вопрос.

Максим Знак (Эдуард Бабарико, Мария Колесникова и многие другие) включились в проект, в названии которого использовано имя «Виктор Бабарико». Спрашивается, является ли Виктор Бабарико автором этого проекта. Автором в том же смысле, что и Антонио Гауди автор собора «Саграда Фамилия»? Конечно же нет.

Необходимо понимать, что речь идёт о совершенно различных онтологических категориях.

¹ Водолажская Т. Новые группы и социальная структура. Белорусское общество под воздействием инновационного и технологического развития. http://fly-uni.org/wp-content/uploads/2021/05/2021_Innovation-Belarusan_society.pdf

Есть целесообразные или целенаправленные проекты, в которых результат реализации проекта должен совпадать с поставленной целью. Это не всегда происходит, если процесс проектирования был порочным. Из-за ошибок проектирования здания, мосты могут обрушиться, самолёты не взлететь, автомобили плохо работать.

И есть процессно-ориентированные проекты, в которых цель является, скорее, ценностью, нежели предполагаемым результатом. Главное в этих проектах – процесс, либо процесс деятельности, либо просто жизненный процесс существования его участников.

«Предвыборная кампания Виктора Бабарико» - типичный процессно-ориентированный проект. Как и все предвыборные кампании. Все кандидаты, их сторонники и политехнологические команды, точно знают, что только один из кандидатов станет победителем. Но ведь у всех таких кампаний есть цель – провести своего кандидата в президенты или депутаты. Но это декларативная цель, а предполагаемый результат может быть совершенно иным. Это относится практически ко всем проектам НГО, экологическим и даже некоторым бизнес-проектам, к стартапам, например.

Но сейчас не об этом, а об авторстве.

В процессно-ориентированных проектах нет авторства, поскольку они не целесообразны, а нормосообразны. Так все предвыборные кампании заданы нормами законодательства и решениями ЦИК.

И все проекты таких кампаний похожи, как будто бы написаны под копирку. Достижение результата (не обязательно совпадающего с целью) определяется не проектированием (простроенным замыслом и пошаговой программой достижения цели), а наличием ресурсов и обстоятельствами, способствующими или препятствующими достижению цели. Такие проекты имеют одинаковый вид, одинаково оформлены, но в какие-то вкладываются большие финансовые средства, привлекаются квалифицированные исполнители, вовлекаются массы людей, а в другие – нет.

Но если Максим Знак не был автором и разработчиком проекта, в котором работал и жил, и даже Виктор Бабарико не являлся его автором, а просто оформил все необходимые документы по нормам, заданным ЦИК (с квалифицированной помощью Знака и других), то каково его место в проекте, какова роль и позиция?

Включённость в проекты такого типа может быть описана и понята в категориях отчуждения.

Отчуждение от смысла, целей и результатов труда

Впервые об отчуждении задумались и заговорили при массовом переходе от ремесленного к фабричному способу производства.

Каждый ремесленник знал весь процесс производства вещи-продукта своего труда, от выбора сырья и материала, до предпродажной подготовки. Он не только знал, но и умел выполнять все необходимые операции, отвечал за качество материала, инструментов, и конечный продукт. Даже если ремесленник работал не один, а коллективом, все его подмастерья, помощники и ученики осваивали весь процесс производства от начала до конца. В целостный процесс были вовлечены и подрядчики на отдельные операции и этапы. Они выполняли не стандартные процедуры, а конкретный заказ.

Всё изменилось с появлением фабрик и заводов. В этом способе производства каждый рабочий знал только свою операцию, его деятельность превратилась в частичную и фрагментарную.

Социалист Мозес Гесс назвал это явление отчуждением от процесса и результата труда. Первоначально категория отчуждения касалась только фабричных индустриальных рабочих. Маркс построил на этом основании целую концепцию положения рабочего класса.

С появлением конвейера и сложных технологий отчуждение затронуло и инженеров, технологов, практически всех, вовлечённых в процесс производства.

Социалистов Гесса и Маркса в отчуждении больше всего волновал вопрос собственности, в частности, собственности на труд и прибыль от результатов труда. Но уже они понимали, что отчуждение затрагивает сознание людей и способность к мышлению. Рабочие лишались способности мыслить целостно, и могли соображать только фрагментарно. Маркс всё ещё был заряжен ценностями Просвещения, и надеялся ликвидировать консциентальные последствия отчуждения просвещением рабочих, «открывал им глаза» на зловредную сущность буржуазных общественных отношений.

Но когда отчуждение распространилось на инженеров, интеллигенцию, и даже в научную сферу, с этим пришлось смириться.

Проектность ведёт к отчуждению и от политического процесса. От процесса гражданского участия в принятии политических решений. В индустриальную эпоху распространение отчуждения способствовало возникновению тоталитарных режимов, фашизма с его вождизмом, и коммунизма, где вожди тоже присутствовали, но принуждение и террор были коллективными.

Но это история и социальная философия, мы пока разбираемся с онтологией Максима Знака.

Так вот, Максим Знак не был автором проекта. Он вошёл в проект вслед за лидером Виктором Бабарико, который тоже не был автором. Весь проект был основан на нормах закона, а не реального положения дел в стране. Нормы были заданы не Знаком, даже не Бабарико, а извне.

И сам Максим Знак был отчуждён от политического процесса, от целей и результатов своего труда. То есть, он онтологически не мог контролировать результат предвыборной кампании.

Это важный тезис.

И важен он именно потому, что знание о том, что «Максим Знак не мог контролировать достижение результата предвыборной кампании» очевиден. Это знает любой обыватель, самый далёкий от политики человек.

Но это поверхностное, и, следовательно, неистинное знание. Оно порождает фашистскую установку, которую можно сформулировать примерно так: «Результат выборов и всей кампании в руках Лидии Ермошиной». То есть, в конечном счёте: Как Лукашенко скажет, так и будет! Типичный вождизм, и «выученная беспомощность», о которой давно говорил сам Виктор Бабарико.

Но ведь в сознании, то есть в онтологических основаниях Виктора Бабарико и Максима Знака была категория «выученной беспомощности». Ни тот, ни другой не были пешками, не исполняли волю вождя, диктатора и босса ОПГ.

Да, Максим Знак и Виктор Бабарико были свободными людьми, руководившимися во всём собственными идеями, свободной волей, жили собственным умом.

Вот этот «собственный ум» и упакован в онтологию. Нет ничего в мышлении (планировании и принятии решений), чего нет в онтологии тех, кто принимает решения.

Максим Знак мыслил политически, не имел иллюзий о том, что происходит в стране. Его проблема в том, что «он был в проекте». А бытие в проекте означает отчуждение от целей и результатов труда.

Но, даже это Максим Знак понимал. Он не просто один из лучших юристов в стране, но и очень трезвомыслящий политик.

Так в чём же дело? Почему Знак и Бабарико в тюрьме, цель не достигнута, а результатом стали террор и репрессии?

Тонкости и нюансы рефлексии

С Виктором Бабарико я ни разу не встречался во время того, как он вместе со всеми своими сторонниками «работал и жил в проекте». Последняя встреча с ним у меня была за год до того, когда он «работал и жил в других проектах». В успешных проектах, хорошо и динамично разворачивавшихся. Когда проект развивается хорошо и успешно, у людей редко возникает потребность в рефлексии.

Максим Знак пришёл ко мне тогда, когда стало понятно, что проект вышел из-под контроля, стал терять управляемость.

Наша первая встреча состоялась тогда, когда Виктор Бабарико уже сидел, а регистрация кандидатов должна была состояться только через несколько дней.

Знак знал, что вероятность регистрации Бабарико кандидатом мизерная, стремящаяся к нулю. Но подписей собрано в несколько раз больше необходимого, команда заряжена энтузиазмом, ЧИГи (члены инициативной группы) готовы к подвигам и свершениям.

Максим Знак знал и понимал всё.

Точно так же и Виктор Бабарико. Не было никаких сомнений в том, что «выборы» будут сфальсифицированы. И заявления Бабарико о том, что нельзя сфальсифицировать 80%, это всего лишь пиаровская риторика, направленная на ЧИГов и электорат.

Бабарико знал, что его могут посадить, и даже с высокой вероятностью. Поэтому он и оставил «послания Гарри Селдона» на этот случай.

В июне мог возникнуть вопрос, почему предвыборный штаб Бабарико продолжает работу, а не разворачивает борьбу за освобождение его из тюрьмы. Ещё острее это вопрос встаёт после отказа в регистрации.

Но Максим Знак знал, что на освобождение Бабарико можно рассчитывать только после поражения Лукашенко на «выборах».

Он знал, что никто не может выиграть эти «выборы», но понимал, что дело на в выигрыше, а в том, что будет после дня голосования.

И Бабарико, и Знак помнили уроки 2010 года. Сам знак отсидел свои 14 суток ещё в 2006 году. Никаких иллюзий ни у того, ни у другого не было.

Но какие решения они принимали, зная и понимая всё это?

Зная, что им приходится иметь дело со злым и коварным врагом, они строили свои планы и действовали на основе рефлексии. Или по схеме рефлексивного управления.

И не важно, знает ли Знак, что такое рефлексия (знает, конечно же, он очень начитанный и образованный человек), знает ли он, как устроена рефлексия, и как работает схема рефлексивного управления!

Рефлексивное управление – онтологический концепт. Все управленцы, военачальники, политики работают по схеме рефлексивного управления, не зная самой схемы.

Суть рефлексии в том, чтобы думать не только о том, что ты сам делаешь, но и о том, как ты думаешь о том, что делаешь.

Ну, а если дело включает в себя ещё и ИНОГО, будь то партнёра, конкурента, или противника, то думать приходится ещё и за него, за того ИНОГО.

Необходимо думать о том, что знает, понимает, задумывает и будет делать твой партнёр, конкурент или враг.

И срабатывает простейший принцип-схема: «Я знаю, что ты знаешь».

Следующий шаг: «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю». Ну, и далее по кругу.

Итак, Бабарико и Знак знали о том, что знает Лукашенко. Думали о том, что Лукашенко знает о том, что знают они.

И на основании этих рефлексивных упражнений они и принимали свои решения.

Так Бабарико не боялся сесть в тюрьму, и был готов, поэтому оставил после себя распоряжения своему штабу и Максиму Знаку, в том числе.

Максим Знак знал, что бороться за освобождение Бабарико и защищать его в ходе следствия и суда бесполезно, поэтому доверил это другим адвокатам, а сам продолжил кампанию, переключившись на другого кандидата.

Максим Знак знал, что знает Лукашенко о социологии, о вероятности расклада на голосовании, знал, что Лукашенко руками Ермошиной будет делать. И готовился к этому.

Почему же он (и мы все) не победил, умея рефлексировать взаимодействие с противником?

У поражения Максима Знака (нашего общего поражения) есть и рефлексивные причины. Про онтологические причины чуть потом.

Проблема рефлексивного анализа в том, что любой избыточный шаг рефлексии ведёт к поражению.

В игротехнике (практике методологии) это называется «рефлексивной возгонкой».

Выглядит это примерно так: «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю, **что ты знаешь**». Этот последний момент «что ты знаешь», требует эмпирической проверки. Может оказаться так, что противник не знает того, что мы думаем, что он знает.

Мы строим свои планы на основании того, что **знаем** о том, что знает противник. А это знание может быть ложным, и противник этого не знает.

Мы готовимся к сложному разумному действию противника, готовимся отвечать на него так же сложно, а противник действует грубо, совсем не имея того знания, которое мы ему приписываем.

Рефлексия опасная штука.

В бою, на войне, в конкуренции выигрывает тот, кто опережает противника ровно на один шаг рефлексии, действуя в точном соответствии с тем, что знает, а чего не знает противник.

Стоит наворотить рефлексивный уровень на лишний шаг, и мы имеем дело не с реальным противником, а с вымышленным, с тем, который существует только в нашей рефлексии, в нашем сознании. И реальный противник у нас выигрывает.

Именно из-за такой «рефлексивной возгонки» практики презирают яйцеголовых интеллигентов, а сама рефлексия получает негативную коннотацию. Люди склонны додумывать то, чего нет.

Итак, проигрывает тот, кто отстаёт от противника на один шаг рефлексии, но и тот, кто спекулятивно додумывает в рефлексии то, чего нет, делая вместо одного шага, сразу два.

Так что же произошло с Максимом Знаком в августе-сентябре 2020 года, из-за чего революция наша не победила, а сам Максим уже много месяцев в тюрьме?

Во-первых, у Максима Знака был порок в рефлексии. Он связан с отказом от рефлексивного управления.

Максим точно и реалистично просчитывал действия противника. Но не управлял этими действиями.

Рефлексия по принципу «я знаю, что ты знаешь, что я знаю» ограничена в своих возможностях. Она позволяет планировать пассивные действия.

Это как в шахматах, можно догадываться, даже знать, каким будет следующий ход противника на доске. Противник тоже может знать, что ты знаешь. Но важна инициатива, перехват инициативы в свои руки.

Нужно не реагировать на то, что делает противник, и тем самым, играть «в его игру», а навязывать противнику свою игру.

А это делается не по схеме простой рефлексии, а по схеме рефлексивного управления, «я знаю, что ты ДОЛЖЕН знать, что я знаю».

Но для того, чтобы реализовать схему рефлексивного управления необходимо отказаться от онтологии деятельности, и работать в онтологии игры.

Именно здесь основной порок и ошибка Максима Знака.

Он действовал. Он действовал по правилам и нормам, навязанным ему извне. Он думал, что строгое следование нормам и правилам, это не только его принцип, но и противник действует по нормам и правилам. Пусть и не таким, как у Максима, но по общим нормам и правилам той системы деятельности, в которую все включены.

Да, так всё и происходит в мире деятельности. Этот мир задан онтологией, которой руководствовался Максим Знак.

А мир устроен совсем не так. Поэтому Максим и проиграл. Мы все проиграли вместе с ним.

Хомо люденс

Деятельность против Игры и Игра как альтернатива Деятельности

«Познай самого себя» - эту надпись на стене храма Аполлона много веков разгадывали мудрецы Древней Греции. Трактовали её по-разному, но сходились в одном: непростое это дело – познание самого себя. А с возникновением гуманитарных и социальных наук в XIX веке, стали понимать, что практически невозможно объективное познание не только собственного Я, но и

всего своего собственного. Мои чувства, мысли, переживания и действия даны мне только субъективно. А субъективная версия практически никогда не совпадает с объективной картиной.

Человек может наблюдать себя как бы со стороны, а может изнутри. Трагическая непредставленность внутреннего мира человека для стороннего наблюдателя преодолевалась на заре развития психологии методом интроспекции, то есть, самонаблюдения. Только сам человек может описать свои чувства, переживания и мысли. Если может. А может не всегда. Размышление о чувствах убивает сами чувства. Многие психические процессы протекают бессознательно, и даже не подлежат сознательному регулированию. Это как парадокс сороконожки. Сороконожка легко бежит и справляется с многочисленными ногами, пока её не спросят, как она это делает. Задумавшаяся сороконожка не может шагу ступить.

С человеческим поведением и переживаниями сходная проблема. Задумавшись о переживании, мы перестаём переживать именно это переживание. Спонтанное поведение ребёнка (да и взрослого) можно остановить простым вопросом: «Что ты сейчас делаешь?» Ответа на такой вопрос может и не быть, но спонтанность остановлена, начинается некое осмысленное поведение. Вопросом «что ты делаешь/что я делаю» запускается простейшая поведенческая рефлексия.

У детей рефлексия встречается в чистом виде, как отстранённость. Они описывают себя, свои чувства, переживания и поведение отстранённо, словами взрослого. Например: «Маша хочет пить», «Петя идёт гулять», и т.п. Взрослея они теряют эту способность говорить о себе в третьем лице, поскольку им вменяется ответственность за их поведение. Вменённая ответственность вовсе не означает осознанности.

Именно осознанностью отличается поведение от деятельности. Осознанность достигается рефлексией, а сама рефлексия становится особой деятельностью, то есть, процессом из нескольких шагов и этапов.

Рефлексия обязательно присутствует в деятельности. Совершая действие люди наблюдают эффекты, смотрят на достигнутый результат. Если результат отличается от ожидаемого, люди что-то меняют в деятельности, ищут другие способы, используют другие методы и инструменты, корректируют действие.

Рефлексия в деятельности в общем виде может быть описана через несколько шагов:

- Остановка деятельности, движения, процесса;
- Отстранение, выход из позиции деятеля в позицию наблюдателя (замена в мышлении деятеля в первом лице – «я делаю», на третье лицо – «он делает»);
- Фиксация и описание достигнутого результата, пункта в движении, стадии процесса (объективация субъективности);
- Сравнение достигнутого результата или положения с необходимым или задуманным;
- Выяснение причин отклонения от задуманного или необходимого, ошибок, препятствий;
- Обновление замысла, смена способа деятельности («до сих пор делалось так, с этого момента делаем иначе»);
- Возвращение в деятельность из позиции наблюдателя в позицию деятеля («я продолжаю»);
- Исправление ошибок, устранение препятствий;
- Действие по-новому.

В алгоритмических системах с обратной связью, для которых не задаётся требование осмысленности, то, что в человеческой деятельности достигается рефлексией, редуцировано до логических условий, которые либо закликивают алгоритм на повторение одних и тех же операций (цепочек алгоритма), либо останавливают алгоритм, если промежуточный результат не достигается.

Рассел Акофф и Фредерик Эмери относили алгоритмические системы с обратной связью к классу целенаправленных систем. Цель и направление для таких систем задаются извне, они не могут изменить ни направление процессов, ни поменять саму цель.

Другой класс систем, который Акофф и Эмери назвали целеустремлёнными, могут менять и направленность, и осуществлять произвольное целеполагание. Такие системы не могут быть исключительно алгоритмическими. Алгоритмы встроены в такие системы, но системы могут их менять, и не просто менять, но разрабатывать новые алгоритмы. Разработка новых алгоритмов, которые встраиваются в систему доступна современным самообучающимся и самопрограммирующимся нейросетям, или искусственному интеллекту. Но искусственному интеллекту по-прежнему недоступно целеполагание. Смена целей в процессе разворачивания деятельности доступна только рефлексивным системам, то есть, человеку и человеческим коллективам.

Человеческие коллективы могут быть целенаправленными системами, тогда они действуют строго алгоритмически, как системы с обратной связью. По данным обратной связи при неудачах такие коллективы прекращают своё существование и разваливаются.

Человеческие коллективы могут быть целеустремлёнными (интенциональными) системами, самообучаемыми и самопрограммируемыми. Такие системы способны учитывать вновь открывшиеся обстоятельства, им не страшны «чёрные лебеди», они меняют способы деятельности и прокладывают новые пути к цели, которые не были предусмотрены с самого начала. Но и эти системы не могут менять цели. Цели в таких системах заданы проектно, поэтому меняются только с прекращением одного проекта и включением в другой.

И человеческие коллективы могут быть рефлексивными системами. Такие системы используют любые алгоритмы, меняют средства и инструменты достижения целей, перепрограммируют сами себя, меняю цели по мере необходимости.

Рассмотрим несколько конкретных примеров из истории последних лет в Беларуси.

Начиная с 1995 года в Беларуси отменены демократические выборы, и стала невозможной смена власти демократическим путём. Политические партии, возникшие в стране в период короткого периода демократии и незавершённости диктатуры, были целенаправленными системами. Перед ними стояла цель – борьба за власть в конкуренции различных политических сил и в рамках действующего закона. Приход к власти невозможен, даже попадание во власть для отдельных независимых кандидатов стало невозможным. Но эти целенаправленные системы принимали участие во всех «выборах» совершенно безрезультатно. После каждой такой попытки партии теряли часть своих членов, но упорно игнорировали данные обратной связи. Некоторые партии стали фиктивными, их члены не участвовали ни в чём, и существовали только на бумаге. Но это не мешало существованию партийной верхушки.

Часть политически активных граждан создавала целеустремлённые системы (в конце 90-х такими были Хартия-97, Ассамблея неправительственных организаций, движениях «Рух за свободу», «Говори правду», Национальная платформа гражданского общества и ещё несколько немногочисленных целеустремлённых систем). Некоторые из таких систем были гибкими, учитывали внешние и внутренние обстоятельства своей деятельности, добивались

кратковременного успеха. Но меняя средства и инструменты деятельности, они ввязывались в достижение недостижимых целей, и по этой причине терпели неудачи. Если целью было участие в «выборах», или просто в политических процессах, то эти целеустремлённые по замыслу системы быстро деградировали до целенаправленных систем. Для выживания и продолжения деятельности им необходимо было сменить цели. Отказаться от попыток прийти к власти посредством «выборов».

Но как, в таком случае, целеустремлённые системы могут оставаться в политике?

Для этого необходимо пересмотреть свои представления положении дел в стране – сменить онтологию (начинать «Думать Беларусь» иначе).

В иной онтологии Беларуси «выборы» не могут быть целью. Точнее, не может быть целью приход к власти посредством выборов, которых нет. А есть «выборы», то есть процедура назначения во власть «надёжных», лояльных, проверенных и подконтрольных режиму людей.

Но «выборы», даже в виде назначения людей во власть, на короткий период ослабляют режим. Режим входит в период «смены кожи», по аналогии со змеями, или другими животными такого типа. В этот период режим слабеет, и этим можно воспользоваться.

То есть, целью политического действия становится не победа в голосовании, которое непременно фальсифицируется, а руководство народным возмущением после фальсификаций.

Народное возмущение и протесты вспыхивали после каждого президентских «выборов» в 2001, 2006, 2010 годах. Исключение стали только «выборы» 2015 года. И это исключение необходимо было осмыслить, чтобы сделать практические выводы к 2020 году.

Главным событием в год президентских «выборов» является не гонка кандидатов, не голосование, а Площадь и улица. Чтобы это понять, необходимо кардинально изменить деятельность, сменить способ мысли.

Когда-то Гордон Олпорт ввёл в психологию термин «функциональная автономия», а содержание этого явления лучше раскрывается в психологии деятельности Алексея Леонтьева. Леонтьев говорил о «сдвиге мотива на цель», то есть о функциональной автономии мотива и цели.

Беларусская оппозиция мотивирована на смену режима и возвращения страны в правовое поле и к демократии. Цель – это конкретизация мотива (по Д.Ошанину).

То есть, чтобы вернуть страну к демократии (мотив, мотивация), нужно победить на выборах (цель).

Оппозиция мотивирована и заряжена, видит цель, не видит препятствий. Раз за разом рвётся к цели, участвует во всех выборах. Ничего не получается. Диктатура только усиливается («Песня глухне, глухне, глухне, а муры растуць, растуць»).

Что дальше?

Вот здесь и происходит сдвиг мотива на цель. Демократия и право, которые выступали мотивом создания политических партий, заряжали энергией оппозицию, остаются только декларацией, сейчас их мотивирует участие в выборах. Выборы были промежуточной целью – средством возвращения к демократии, а стали самоцелью, целью, поглощающей мотивацию и весь смысл и содержание мотива.

Очень хорошо это иллюстрируется анекдотом про алкоголика, который пытается допрыгнуть до вожделенной поллитровки водки. Прыгает, прыгает, устал, присел на один из ящиков,

разбросанных вокруг. Ему говорят: «Ты подумай!» А он отвечает: «Чего тут думать, тут прыгать надо!»

Вот именно так, реагировала беларусская оппозиция на все предложения подумать, проанализировать ситуацию, ресурсы, проинвентаризировать свои средства и способы действия, разработать план или стратегию. На всё это был один тупой ответ: «Политика – это борьба за власть, надо участвовать в выборах, а не думать и планировать!»

Но ведь Максим Знак не таков! До Знака я ещё доберусь. Сначала необходимо понять онтологический смысл функциональной автономии, природы и причины такого явления, как «сдвиг мотива на цель»

Обычная психологическая трактовка этого явления (как у обывателя, который знаком с этим явлением по приведённому анекдоту, так и у большинства психологов) упирается в недостаток ума, или узость сознания. То есть, человек потому забывает исходный мотив и упирается в недостижимую цель, что он недостаточно умён. Но причина не в этом. Причина не в недостатке ума и сообразительности, а в глубокой вовлечённости в деятельность. Деятельность поглощает человека и его сущность. Человек из целелеустремлённой системы становится интенционально направленной системой.

Здесь стоит вернуться к древнегреческому принципу «Познай самого себя».

Человек познаёт себя в глазах другого человека - «Человек Пётр видит себя человеком в глазах человека Павла».

Человек проявляет себя в деятельности.

- Ты кто? – спрашивает Петра Павел.

- Я политик, кандидат в президенты, участвую в выборах.

Так видимая цель, достижение которой поглотило всего человека, становится его сущностью, тем, через что он познаёт самого себя, и тем, чем он предстаёт в глазах других.

Честный человек не может сказать, что он участвует в выборах не для того, чтобы их выиграть, а у него совсем другая цель.

Какая может быть другая цель у участия в выборах?

Разные могут быть цели.

Банальная цель – засветиться, получить популярность.

Может быть цель устроить бунт, протест, революцию, воспользовавшись ситуацией выборов.

Может быть цель создать после выборов свою партию.

Статкевич, Северинец и Тихановский так и говорили, что если их не регистрируют кандидатами, то они будут звать людей на Площадь, призывать к забастовке.

Но они были одними из многих «политиков», которые просто участвовали в подготовке «выборов».

Там были праймеристы (Губаревич, Ковалькова, Козлов, Янукевич). Голоса и призывы Северинца сливались в один хор с ними.

Там были политиканы Дмитрев и Канопацкая, которые точно знали, что выиграть голосование они не смогут, но о своих истинных целях умалчивали.

Там были неофиты, вроде Черечня, о котором никто не слышал до его выдвижения в кандидаты. Но такими же были и Цепкало с Бабарико.

Все, знали, что в стране нет выборов, и участие в «выборах» не позволит им прийти к власти.

Зачем они это делали? Каков был мотив у всех этих людей, замаскированный целью участия в «выборах»?

Если Статкевич, Тихановский и Северинец не скрывали своей мотивации – свержение режима, то остальные молчали о своих мотивах.

Но объявление мотива – свержение режима, автоматически ставит тех, кто об этом говорит, вне закона, установленного этим режимом. Поэтому этих кандидатов посадили в тюрьмы первыми.

Остальные очень хорошо понимали это. Понимали, что если они объявят такой мотив, то последуют вслед за первыми.

А был ли у них такой мотив? Ясно, что объявить его вслух они не могли, будь то благородный мотив свержения режима, будь то шкурный мотив получения каких-то побочных бонусов и преференций от участия в «выборах».

Но мотивацию не обязательно объявлять. О ней можно судить по тому, к чему реально готовятся люди, объявившие некую цель, на которую смещается мотив.

Кто из многочисленных кандидатов (54 изначально, оставшиеся 14 после регистрации инициативных групп, и четверо вышедших в финал) готовился к массовым протестам после «выборов»?

Постфактум очевидно, что Черечень, Канопацкая и Дмитриев не готовились к протестам. Они знали, что протесты будут, но предпочитали держаться от них подальше. Точно так же от участия в протестах устранилась почти вся команда Валерия Цепкало.

Для объединённого штаба Светланы Тихановской такая позиция стала невозможной уже в июле 2020 года. Массовые митинги на встречах Тихановской с избирателями делали её саму символом уличного протеста независимо от её желания. И это понимала она сама, и, тем более, этого не мог не понимать Максим Знак и другие члены штаба.

Тихановская не могла устраниваться из широкого массового протеста, но понимала, что она не годится в уличные лидеры.

Максим Знак тоже всё понимал и знал. Как это знание определяло его действия и поступки?

- Учитывая уроки 2006 и 2010 годов Максим Знак хорошо понимал, что любая, даже косвенная, причастность к уличным протестам ведёт кандидатов и руководителей их штабов в тюрьму. В тюрьму ему не нужно, у него есть цели после «выборов», для этого нужно быть на свободе.

- В успех уличных протестов он не верил. Альтернатива перед ним стояла очень конкретная: Участие в протестах и тюрьма. Или избегание повода для ареста и продолжение начатой работы. Он выбрал продолжение работы.

- В успех действий, которые он делал по заранее намеченному плану, он тоже не верил. Знал, что никакие обращения в суды, жалобы и апелляции ни к чему не приведут.

9-10 и в последующие дни августа всё пошло как-то не так. Кандидат, на которого работал Максим Знак уже давно в тюрьме, не имея никакого отношения к улице и протестам. Светлана Тихановская задержана через день после «выборов» и депортирована из страны. Протест не

только вспыхнул, но принял совершенно невероятный размах, и неучастие в нём стало невозможным.

Максим Знак потерял контроль над ситуацией и действовал автоматически по заранее созданному алгоритму, так, как работают целенаправленные системы.

Но ведь вся предшествующая деятельность Знака свидетельствует о том, что он был не просто одним из лидеров большого человеческого коллектива и целеустремлённой системы, но был именно он придавал всей этой целеустремлённой системе рефлексивный характер. Он сам, и его участие в целеустремлённой системе привело к смене деятельности в июне-июле 2020 года, когда штаб Виктора Бабарико стал ядром объединённого штаба Светланы Тихановской. Рефлексия сложившейся ситуации обеспечила изменение краткосрочной цели и всей деятельности команды.

Почему то же самое Знак не смог сделать в августе-сентябре?

Ответом на этот вопрос и является рабочая и предельная онтология, которой руководствовался максим Знак управляя целеустремлённой системой предвыборных штабов – это онтология деятельности.

На основе онтологии деятельности строился Знаком анализ ситуации, прогнозирование и планирование своих действий и поступков. И эта онтология была неадекватной той задаче, которая стояла перед Знаком, не релевантной той проблеме, перед Знаком оказался с самого начала вхождения в предвыборную команду Виктора Бабарико. Эта неадекватность онтологии закрывала возможность рефлексии и управления.

Адекватной задаче и релевантной проблеме могла быть только онтология ИГРЫ, как альтернативы и противоположности ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Игра сложнее деятельности

Игры бывают разные. Мне сейчас не важны типология и классификация игр, только онтологические характеристики, отличающие игру от деятельности.

Главным онтологическим отличием игры от деятельности является удвоение субстанции и некоторых акциденций деятельности.

- *Удвоение 1.* В любой игре удваивается действительность. Игрок одновременно пребывает в двух планах-пространствах: игровой план сосуществует с планом жизни или планом деятельности. В руках играющего ребёнка любой предмет может быть, чем угодно, сохраняя свою форму и назначение в жизни. Так стул может стать лошадкой, или самолётом, не переставая быть стулом. Герой на сцене ведёт себя как средневековый принц, оставаясь современным человеком, исполняющим роль. Человек в деятельности занимает некую позицию, действуя из этой позиции, а может проигрывать её.

- *Удвоение 2.* В партнёрских и антагонистических играх удваиваются ещё разум и воля. Партнёр в игре мыслит не так как вы, и противник, или враг тоже. Приходится думать не только за себя, но и за другого, иного чем вы. В игре, как и в деятельности совершаются поступки и действия, но сделанное одним, может быть отменено или разрушено другим.

Какое всё это имеет отношение к Максиму Знаку?

Разберёмся с тем, что такое «выборы» по-беларусски.

Выборы можно рассматривать и понимать в онтологии деятельности. В этом ракурсе рассмотрения существует закон, норма, принципы и правила организации, проведения и участия в выборах. Заданы деятельностные позиции.

Кто-то организует выборы, и не участвует в конкуренции, стоит над схваткой. Проведение выборов с соблюдением закона, с выполнением всех норм и правил является целью организаторов выборов, и становится результатом их деятельности, когда выборы закончены. Этот результат деятельности не имеет никакого отношения к выигрышу или проигрышу кого-то на выборах.

Выигрыш и проигрыш - это результат конкуренции кандидатов и команд, для которых выборы являются игрой, соперничеством, конкуренцией.

И такое сочетание игры и деятельности в выборах заложено изначально. Кто-то соперничает, конкурирует, то есть, играет. А кто-то обеспечивает равные условия для конкурентов, это их работа. Для государства (ЦИК) выборы – деятельность, для кандидатов, политиков, избирателей выборы – это игра.

Так это выглядит в нормальной демократической ситуации и в правовых рамках.

Но у нас всё иначе. У нас нет выборов, а «выборы» - это то, что проводится понарошку.

Это значит, что каждый, кто принимает участие в «выборах» должен удерживать в сознании Удвоение 1. То есть то, что происходит в жизни и деятельности в стране, и то, что является игрушкой или представлением (plaything, trick, performance, showing).

Можно было бы считать происходящее в стране и обществе реальностью, а «выборы» в исполнении ЦИК обманом, симуляцией, но это будет неправильно. Реальной является сама игра в «выборы», и оба плана в ней реальны.

Удвоение 1 переводит ситуацию из плана деятельности в план игры (play), где нет прямого противоборства игроков, агона и войны, где деятель совершает ходы, поступки, предпринимает действия по принципу «одно пишем, другое в уме держим», где каждое событие с двойным смыслом, один из которых «понарошку», любой результат поступка или действия имеет двойное дно.

Для того, чтобы работать с этими двумя планами в игре-play нужна рефлексия первого рода. Именно в рефлексии мы удерживаем оба плана, не забывая ни об одном, и не путая их друг с другом.

К рефлексии первого рода нужно предъявлять очень высокие требования. Именно из-за ошибок этой рефлексии и её недостаточности проистекает феномен «сдвига мотива на цель», или нарушение «функциональной автономии».

Из-за недостаточности рефлексии происходит схлопывание двух планов, или поглощение одного плана другим. Это, когда не различается то, что «понарошку», и то, что «взаправду». Этот эффект знаком каждому, кто хоть когда-то играл во что угодно. Знаком по эмоциональной реакции и эмоциональной памяти. Проигрыш и неудачи в игре вызывают реальные эмоции, воспринимаются как событие жизни. Наблюдатели в таких случаях говорят: «Успокойся, не корову проигрываешь!» Метафора «коровы» в данном случае означает цену ставки, в народной памяти корова – кормилица. Проиграть корову означало потерять кормилицу, поставить жизнь под угрозу голода.

Зачем я это разжёвываю, проводя аналогии с детскими категориями «понарошку» и «взаправду», анализируя серьёзного политика Максима Знака?

Делаю это для того, чтобы выяснить, где политик и менеджер кампании Бабарико допустил главную ошибку.

Эта ошибка коренится в недостаточности рефлексии. Для Знака весь период с мая по август-сентябрь был дан как деятельность. Нормированная деятельность. Где все действия противника можно просчитать, зная нормы и правила деятельности. Максим Знак очень хорошо знал законы, и по законам просчитывал действия ЦИК и режима.

Всякое отступление от норм и правил Знак рассматривал либо как ошибку, либо как преступление. Добиваясь своих целей Знак не мог позволить себе ошибок, не мог отступить от норм и правил.

Действуя строго в рамках закона Знак надеялся достичь поставленных целей.

Но, можно спросить: Неужели Знак не видел и не понимал, что ЦИК и режим действуют не по закону, не по нормам и правилам?

Да, не видел и не понимал. Он знал не только закон, он знал и практику организации «выборов» в стране. Он был непосредственным участником событий 2006 года, был свидетелем того, что происходило в 2010-11 годах. Знал и учитывал всё это в своём анализе и планировании действий. Я это точно знаю, поскольку лично обсуждал это с ним.

Зная практику организации «выборов», имея опыт 2006 и 2010 годов, Максим Знак выводил из этого знания и опыта нормы и правила поведения и действий ЦИК и режима. Снова нормы и правила, и снова в рамках деятельности.

Знак имел дело с преступным режимом, несколько не сомневаясь в его преступности, но рассматривал все действия режима, как нормосообразные, то есть, анализировал деятельность, преступную деятельность, где даже закон нарушается по некоторым правилам и нормам.

А режим вел себя не нормосообразно, а целесообразно, режим играл. И играл с Максимом Знаком, или Максимом Знаком, в том числе.

Игра, любая, имеет свои правила и нормы. Но выигрывают в играх не по правилам, которые равные для всех участников игры, а нарушая нормы и правила. Изобретая по ходу игры такие ходы и действия, которые не прописаны ни в каких правилах.

Режим тоже рефлексировал ход предвыборной кампании, анализировал действия и поступки кандидатов, штабов, и лидеров, включая Максима Знака. И рефлексия у деятелей режима тоже была порочной. У них так же, как и у Максима Знака были схлопнуты два плана, план деятельности и план игры. Но противоположным образом. Игра поглощала деятельность.

Так всегда происходит, когда в игре очень высокие ставки. Это тот самый случай, когда «ставка больше чем жизнь».

Режим не мог позволить себе проиграть, поскольку для основных деятелей режима проигрыш означал угрозу для жизни и свободы. Перед Лукашенко и Ермошиной (да и многих высших должностных лиц режима) стояла простейшая дилемма: «Победа или смерть», третьего не дано. Для тех, перед кем возникает такая дилемма, никакие нормы и правила не имеют значения. О чём Лукашенко со всей откровенностью и заявил: «Сейчас не до законов!».

Ну, а что же Максим Знак? Чего он не понимал во всей этой ситуации?

Он не понимал именно этой дилеммы: «Победа или смерть». Он понимал, что вероятность победы не очень высока, но и поражение не воспринималось им, как полный конец всего, поражение не было смерти подобным. Ему казалось, что из ситуации есть не два выхода, а веер возможностей.

Режим играл против Максима Знака, играл на победу, а не на ничью.

Знак действовал с расчётом на паллиативный исход, и на нормативный выход из ситуации, которая была дана ему в онтологии деятельности.

До этого момента я рассматривал рефлексию Максима Знака в ситуации игры-play.

Режим играл не против Максима Знака (и всей кампании объединённого штаба). Режим играл Знаком, всеми кандидатами и их штабами.

Это тонкое различие (играть со Знаком / против Знака, или играть Знаком) требует разъяснения. Такое разъяснение можно дать только через отличие онтологии деятельности и онтологии игры.

В шахматах игрок разрабатывает комбинацию, атакая на фигуру, или объявляя шах королю. Но играет он не против короля противника, а против самого противника. И играет он фигурами, двигая фигуры по правилам игры в шахматы.

Фигуры двигает игрок, но подчиняются фигуры правилам игры. Передвижение фигуры по доске предсказуемы. Для наивного игрока передвижение фигур предсказуемо на ход-два вперёд, для опытного – на много ходов. Но поведение противника в игре не так предсказуемо, как движение фигур, особенно в многоходовых комбинациях.

Люди в деятельностных ситуациях так же предсказуемы, если известны нормы и правила, по которым они действуют и ведут себя. А уж тогда, когда люди решают строго придерживаться норм и правил, то предсказывать их поведение и действия очень просто. Людьюми, действующими строго нормосообразно можно играть, манипулировать их поведением.

Для этого создаются стандартные ситуации, в которых действующие лица руководствуются нормами и правилами, а манипулятор нарушает правила, прибегая к целесообразным действиям, не предусмотренным нормами и правилами.

Онтология Максима Знака делала его игрушкой (пешкой, фигурой) в руках игрока.

Чтобы не стать игрушкой в чужих руках (метафоры кукловодов и марионеток постоянно присутствуют в информационном пространстве 2020 года) нужно начинать играть самому.

Выигрывает в войне не тот, кто играет по правилам и нормам, а тот, кто устанавливает и определяет свои правила и нормы.

В 2020 году это выглядело очень просто:

Деятельностную нормированную ситуацию процедуры выборов необходимо было рассматривать как революцию, в которой отменяются все старые нормы, а участники ведут себя не нормосообразно, а целесообразно, руководствуются не законами старой формации, а революционной целесообразностью.

Если бы Максим Знак объявил себя лидером революции, он вступил бы в игру с Лукашенко и всем режимом. Это совсем другая мотивация, другие цели, другой образ действия (Modus operandi). А образ действия всегда основан на картине мира и самоопределении (Modus vivendi) субъекта действия. Из функциональной позиции в рамках предвыборной кампании нужно было объявить войну режиму, из деятельности выйти в игру.

Но это уже была бы совсем другая игра, не игры-play, а игра-game, агон, противоборство, война.

Для квалифицированного юриста нет ничего нового в игре-game. Это знакомо по практике состязательного процесса в суде. Практически все юристы имеют такой опыт, или такую практику.

Но вот перенос этого опыта из зала суда на арену политической борьбы требует волевого акта, серьезного решения и кардинально другого самоопределения.

В игре-game теряют значение категории игры-play. Там нет ничего «понарошку», там всё взаправду, всё очень серьезно. Степень серьезности задается сделанными ставками, масштабом выигрыша и проигрыша. Если в игре-play мы имеем дело с онтологическим Удвоением 1, то в игре-game с онтологическим Удвоением 2. Игре-game – это игра разумов и воля двух разных субъектов или интенциональных систем. И у каждой из противоборствующих сторон своя картина мира, свой Modus vivendi и Modus operandi.

Соответственно, в игре-game требуется рефлексия другого рода, нежели в игре-play.

Требуется не только рефлексивно удерживать два плана реальности (взаправду и понарошку), но знать и понимать эти два плана у противника.

Максим Знак не играл с Лукашенко. Он действовал в рамках своей картины мира.

Соответственно, он прогнозировал действия Лукашенко точно также, как и свои - в онтологии деятельности.

Лукашенко и режим воевали с Максимом Знаком, а Максим знак просто выполнял свою работу.

Это нечестно? Да, это нечестно. Это преступно. И в последующие после августа месяцы мы постоянно сталкиваемся с этим преступлением режима. Сами становимся жертвами режима просто выполняя свою работу, не нарушая никаких норм, являемся свидетелями того, как терроризируют журналистов, медиков, простых обывателей, против которых режим развернул тотальную войну. А в игре-game с экзистенциально высокими ставками, принимающей форму войны и революции, иначе не бывает.

Ни в коем случае этот последний абзац нельзя понимать так, что любая война и революция делаются нечестно, и они всегда преступны. Это не так. Можно начать войну с объявления «Иду на вы!». И это будет честно. Тем более, тогда, когда войну начал противник без объявления.

Рефлексия призвана дать реалистичную оценку ситуации, и позволить разработать правильный порядок действий и ходов в игре-game, обеспечить занятие правильной позиции.

Татьяна Водолажская это так описывает: «Эта позиция точнее всего может быть описана в онтологии игры. Игра как пространство, в котором люди совершают не действие, а ходы. Ход внешне неразличим с любым иным действием, но в его основе и цели лежит создание новой ситуации, в которой ожидается ответный ход. Так всё движение в социальном или политическом пространстве может быть описано как совокупность ходов и изменений ситуации, которые соотносятся с представлением о выигрыше, позитивном исходе. Каждая новая ситуация требует интеллектуального напряжения и рефлексии не только собственных ходов, но и действий других игроков. Игра как общая рамка тех или иных действий — это тот контекст, в котором обретает свое значение и смысл мышление»².

Рефлексия, как особый тип мышления в игре-game, должна дать не только правильную и реалистичную оценку своей собственной ситуации, но и ситуации противника. Это рефлексия второго рода, и она описывается в схеме «рефлексивного управления» Владимира Лефевра.

Часто схема «рефлексивного управления» трактуется как манипулятивная. Но она же необходима для организации сотрудничества и солидарности, но этот разворот сейчас не входит в мою задачу.

² Водолажская Т. Метод Мацкевича <https://www.sn-plus.com/2021/05/18/metod-maczkevicha/>

Рефлексивное управление на войне и в революции необходимо для победы над противником. В нашем случае, для победы над режимом.

Чтобы Максим Знак мог вступить в войну с режимом и возглавить революцию, ему нужно было начинать думать, как Лукашенко, как режим, видеть ситуацию глазами режима и лиц, принимающих решения на стороне режима.

Это нужно было для того, чтобы не попадать в ловушки, расставленные режимом, и, наоборот, создать и расставить ловушки, в которые попал бы сам режим. На войне, как на войне. И онтология мирной деятельности к войне непригодна.

Но, в Беларуси сейчас не война, а революция. В онтологическом смысле это одно и то же, это игра-game, в которой каждая из сторон бьётся за выигрыш, а не просто за достижение заранее запланированной цели, как в деятельности.

Многие упрекали лидеров нашей революции (а значит и Максима Знака) в чрезмерном миролюбии, звали «к топору», вооружённому отпору, считали мирный характер революции недоразумением.

Я не разделяю такого отношения.

Революция может быть мирной. Более того, мирные революции побеждают чаще, и последствия таких революций позитивнее.

Я критикую подход и онтологию Максима Знака не за мирный характер революции, а за то, что он не участвовал в революции, которая развернулась в стране, в тот самый период, когда в руках у Знака были бразды правления. Пусть не единоличного правления, а коллективного. Но я выбрал для анализа и критики конкретного персонажа.

Максим Знак не понял ситуацию, выбрал неправильный Modus operandi потому, что неправильно самоопределился (Modus vivendi), и причина этого в той картине мира и онтологии, которыми он руководствовался. Причина зла есть ошибка в мышлении.

Апология Знака

Критика в адрес Максима Знака может показаться чрезмерно категоричной. Она слишком персонализирована. Ведь знак был всего лишь одним из членов большой команды, включавшей в себя представителей штабов трёх кандидатов, и все члены этой очень большой команды принадлежат разным мирам (от простых людей «третьего мира», до рафинированных интеллектуалов и топов «первого мира»). Но я не обвиняю Знака, я выясняю фундаментальную природу его ошибок. Его поражение и положение узника – это не преступление. Это хуже – это ошибка, ошибка мышления.

Докопавшись до онтологических оснований ошибки Максима Знака, я хочу закончить его оправданием.

Для оправдания Максима Знака я должен разобраться с юриспруденцией. В некотором смысле продолжить работу, начатую Максом Вебером в его анализе юридической профессии и призвания. Ну и диалектически произвести отрицание веберовской трактовки.

Миссия и призвание юриспруденции правовой практики состоит именно в нормировке всего и вся.

То есть, практика юриспруденции состоит в редукции игры к деятельности.

Или, игра – это пространство ничем не ограниченной свободы, граничащей с произволом. Игра непредсказуема. Юриспруденция нормирует игру и ограничивает произвол, позволяет сделать жизнь и деятельность предсказуемой и упорядоченной, гарантировать справедливость каждому.

История права и правоведения с древнейших времён до наших дней разворачивает грандиозную панораму торжества справедливости над произволом. Причём, не в ущерб свободе каждого.

Юриспруденция даже в той области, где она включает в себя игру-game (состязательный процесс в суде), подчиняет игру установлению справедливости и ограничению произвола силы и власти.

Поэтому Максим Знак не просто квалифицированный юрист, действующий в рамках нормы и закона, но он ещё и предельно последователен в реализации миссии и призвания своей профессии.

Для моего анализа его ошибок это понимание смысла и миссии юриспруденции означает предельно категоричный вывод – лидерство в революции не дело юристов.

Максим Знак в силу своих выдающихся личностных качеств оказался не на своём месте, не в той позиции. Для того, чтобы руководить революционным процессом нужно выйти из позиции юриста. Нее просто уйти с какой-то должности, а перестать думать, как юрист, распредеметиться.

Что значит, распредеметиться?

Предметом по школьной привычке называют различные науки, которые в школе преподают. В более широком смысле, предмет – это онтология и способы действия, свойственные каждой профессии. Профессии в том значении, в котором это понятие рассматривал Вебер.

В этом смысле юридическая профессия – как единое целое, включает в себя не только судей, адвокатов, прокуроров, но и учёных правоведов, и следователей. Все эти специальности в рамках одной профессии мыслят одними и теми же категориями.

Ну, а криминалисты? Оперативные работники? Представители тех специальностей, которые получили образование на юридических факультетах, и носят погоны, но занятые несколько иной работой, решающие иные задачи.

Так, нормируя право, стремясь к справедливости, в рамках юридического мышления запрещено наказывать и привлекать к ответственности за то, что не совершено, за намерения и желания.

Предметом правового регулирования (и правового, или юридического отношения) являются только действия, поступки, события, но не мыли и желания людей. И это очень правильно. Суды, прокуратура не могут предотвращать преступления. Они имеют дело только со свершившимися фактами, с прошлым, а не с будущим.

Но ведь есть и задача профилактики преступлений и правонарушений!

И эта задача вменяется в обязанность людям с юридическим образованием.

Как они могут эту задачу решать? Они занимаются просвещением и правовым ликбезом. Учат людей нормам права.

Зачем учить людей (начиная с детей) правам и законам? Ответ на такой вопрос кажется очевидным, но это только кажимость. Ведь в юриспруденции действует принцип: «Незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение».

Так какая разница, с точки зрения юриста, знает человек закон, или не знает? И с правами человека то же самое. Государство, бизнес, просто люди должны уважать и соблюдать права человека даже в том случае, когда сам этот человек понятия не имеет об этих правах.

В структурах правоохранительных органов есть специальные подразделения, в которых работают распределенные от чистого юридического мышления специалисты. Это оперативные работники, разрабатывающие преступные сообщества, это участковые, криминалисты, исследующие преступное поведение.

Они, в отличие от классической юриспруденции, имеют дело с замыслами, намерениями, подготовкой к совершению преступлений, и предотвращением того, что ещё не случилось, но может случиться, то есть не с фактами, не с прошлым, а с будущим. То есть с материей воображения и мышления.

Этим специалистам вменено в обязанность думать за преступника, думать, как преступник. Они обязаны опережать преступника на шаг, или полшага, опережать в действии, в поступках, но сначала они должны опережать преступника в мышлении. Их профессиональным методом является рефлексия второго рода, или «рефлексивное управление». Они должны предотвратить ещё только задуманное преступление. Думая, как преступник, видя мир глазами преступника, эти люди не должны забывать миссию и призвание защищать право, то есть, мыслить дважды, как юристы, и как преступники, и не путать одно с другим.

Не у всех и не всегда это получается.

Но ведь и преступники, мафиози, главари ОПГ делают всё то же самое. Преступники изучают закон не меньше, и не менее глубоко, чем юристы. Не для того, чтобы соблюдать его, а чтобы думать так, как думают юристы. И изучают не только закон и уголовный кодекс, но и процессуальные нормы и правила, способ работы оперов и следов. И для них «рефлексивное управление» становится необходимым навыком. Без рефлексии все воры давно сидели бы в тюрьме, как мечтали Жеглов и Шарапов. Но они чаще ускользают от правоохранительных органов.

Операм и следовым нужно упорно осваивать рефлексивное управление, упорно учиться трудному искусству двойного мышления, за себя и за преступника. А для преступников это жизненная необходимость, условие выживания.

И между преступниками и правоохранительными органами идёт рефлексивная война, где ставками являются жизни людей. Для преступников – это их жизнь и свобода, для детективов, оперов и следов – это жизни жертв преступлений. И в этом между ними огромная разница.

Беларусский режим уже много лет ведёт себя как ОПГ, или ОПС – организованная преступная группировка, или организованное преступное сообщество. В последние месяцы эта ОПГ совершает преступление за преступлением.

Можно ли было предотвратить эту череду и эскалацию преступлений?

Возможна ли профилактика преступлений диктаторских режимов?

В рамках классической юриспруденции – нет.

Мы имеем дело с парадоксом юриспруденции.

Вот как это выглядит в рамках анализа онтологии Максима Знака.

Знак знал природу преступного режима. Он был участником и свидетелем преступлений режима, как минимум, в 2006 и 2010 году.

Знал, и мог ожидать, что в 2020 году режим пойдёт на такие же преступления, защищая себя, свою власть, творя произвол.

Знал, но ничего не мог с этим поделать. Потому, что он юрист. Потому, что не назначен ни судьёй, ни обвинителем режима. Да и будучи судьёй, как честный профессионал, не мог бы привлечь режим к ответственности за ещё не совершённые преступления. Не совершённые, но задуманные.

И Знак вынуждено бездействовал в плане предотвращения преступлений режима. И эти преступления были совершены. Совершены в масштабах, значительно превышающих преступления предшествующих лет.

Как юрист, Максим Знак чист перед правом и законом. Будучи чистым, он сам стал жертвой преступления режима.

Как человек, и обыватель, он мог предотвратить преступление против самого себя, мог бежать из страны, спрятаться от преступников. Но этим он спас бы себя, но не страну, не гражданское общество, не тех, кого режим уже убил, искалечил, кому поломал жизнь.

Возможно ли было предотвратить преступления режима?

Да. Возможно. Но не юристам, не тем, кто действовал в рамках правил и норм, навязанных режимом всем политикам, кандидатам в президенты.

Это возможно было только революционерам. Тем, кто первым мог честно, и уверенно, распредмеченно и ответственно заявить:

У НАС В СТРАНЕ РЕВОЛЮЦИЯ! Сейчас не до законов!

Это противно, не правда ли? Это ведь преступник Лукашенко произнёс эти слова: «Сейчас не до законов!» И сами эти слова в его устах преступны.

Но, будучи сказанными революционером, эти слова означали бы совсем иное: «Сейчас мы отбрасываем законы, противоречащие праву, и действуем в рамках революционной целесообразности!»

Революционная целесообразность – это предотвращение преступлений диктатора и ОПГ, это спасение жизней и судеб граждан. Это верховенство ПРАВА над неправовым законом.

Но, наша революция началась без революционеров, которые должны были бы её возглавить.

Вот такова онтологическая картина Беларуси 2020-21 годов!

Будем же реалистами, станем революционерами!

3.06.2021